

Проф. Н. Кульманъ

О русскомъ правописаніи

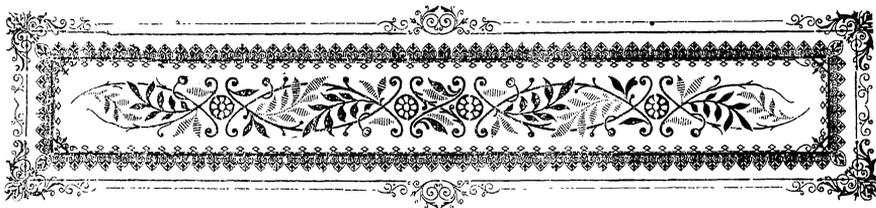

Отд. оттискъ изъ „Русской Мысли“,
кн. VI-VIII, 1923 г.
(Въ отдѣльную продажу не поступалъ)

Напечатано
по благословенію Преосвященнѣйшаго Аверкія,
Архієпископа Сиракузско Троицкаго.

Holy Trinity Monastery Jordanville, N. Y. U. S. A.

1964

«Ну, а у насъ, вѣрно, другое образованіе, и съ предковскими преданіями связь разсыпана, дабы все казалось обновленіе, какъ будто и весь родъ русскій только вчера насѣдка подъ крапивою вывела».

Л ѣ с к о в ѣ. «Запечатлѣнный ангелъ».

«Да неужели такъ и въ другихъ странахъ?»

Б у н и н ѣ. «Деревня».

За послѣдній годъ въ зарубежной русской печати появился рядъ статей, посвященныхъ вопросу о русскомъ правописаніи. Послѣ пражскаго съѣзда педагоговъ русской средней школы толки о правописаніи стали еще оживленнѣе, причемъ въ нѣкоторой части эмиграціи новое правописаніе попало въ разрядъ «завоеваній революціи». Такъ, напримѣръ, въ редакціонной статьѣ парижской газеты «Послѣднія Новости» (№ 916) читаемъ: «Вопросъ о правописаніи, въ самомъ дѣлѣ, не чисто педагогическій вопросъ... Наши симпатіи въ данномъ случаѣ всецѣло на сторонѣ тѣхъ, кто понимаетъ связь новаго правописанія съ новой Россіей» *).

Новое правописаніе называютъ то «большевицкимъ», то «академическимъ». Хотя ни тотъ, ни другой терминъ не опредѣляютъ сущности новаго правописанія, однако, если выбирать, то терминъ «большевицкій» и исторически, и психологически имѣетъ большее право на существованіе. И въ то время, какъ одни съ извѣстной долей наивности только теоретически признаютъ новое правописаніе «завоеваніемъ революціи», другіе энергично его пропагандируютъ; послѣдніе не безъ основанія полагаютъ, что чѣмъ меньше различій будетъ между «нами» и «ими» даже въ мелочахъ, тѣмъ скорѣе устранился взаимная непримиримость. Есть, конечно, и такіе защитники новаго правописанія, которые совершенно чужды политической точкѣ зрѣнія, но ихъ, повидимому, немного.

Въ спорахъ о новомъ правописаніи и защитники, и противники его обнаруживаютъ порою большую неосвѣдомленность. Для защиты буквы «ѣ», напримѣръ, ссылаются на то, что многіе (въ томъ числѣ Бальмонтъ и Вяч. Ивановъ) прекрасно отличаютъ въ литературномъ произношеніи «ѣ» и «е». Конечно, ничего подоб-

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что, хотя симпатіи газеты и «всецѣло» на сторонѣ новаго правописанія, однако, она продолжаетъ печататься по старому.

наго нѣтъ: произношеніе «ели» (ель) и «ѣли», ѣсть» и «есть», «нѣкогда» и «некогда» — совершенно одинаково. Люди, утверждающіе, что они ясно слышатъ «ѣ», на самомъ дѣлѣ только различаютъ два рода звука «е», въ зависимости отъ характера слѣдующаго звука: въ словахъ «ѣль» и «ѣли», «мѣдникъ» и «мѣдъ» мы произносимъ «ѣ» не одинаково, совершенно такъ же, какъ не одинаково произносимъ «е» въ словахъ «мелкій» и «мель», «грекъ» и «греки», но «ѣ» и «е» тутъ непричемъ. Врядъ ли вѣрно утвержденіе, будто бы буква «ѣ» еще въ 18-мъ вѣкѣ обозначала дифтонгъ «іе» *). Стоитъ повнимательнѣе прочесть «Россійскую Грамматику» Ломоносова, чтобы убѣдиться въ необоснованности этого утвержденія. А въ «Лиро - дидактическомъ посланіи княгини Е. Р. Дашковой» Ник. Николаева можно найти и прямое указаніе, что «ѣ» произносилось въ литературномъ языкѣ 18-го вѣка, какъ «е»:

«Месяцъ тѣмъ, гдѣ «ѣ» писать и «е»,
 На то законъ, примѣта есть;
 Труда не зритъ писатель въ этомъ.
 Привыкли Россѣ вѣщати *святъ*,
 Не скажетъ вѣщо опъ *свѣтъ*.
 За чтожъ за ъ браниться съ свѣтомъ?»

Самое появленіе новаго правописанія объясняется иной разъ необычайно упрощенно: «Академія слиберальничала», — говоритъ одинъ изъ защитниковъ стараго правописанія: «Веселовскій и Соболевскій не явились на засѣданіе, провели реформу мягкій и добрый А. А. Шахматовъ **).

Не подлежитъ сомнѣнію, что рано или поздно наступитъ время, когда вопросъ о правописаніи придется поставить ребромъ, и я, какъ членъ орфографической комиссіи и подкомиссіи, созданныхъ въ 1904 году Академіей Наукъ и выработавшихъ основы упрощенія правописанія, считаю себя обязаннымъ освѣтить его съ возможной полнотой и общедоступностью. Быть можетъ, это позволить читателю, особенно читателю, мало освѣдомленному въ исторіи правописанія и вообще въ наукѣ о языкѣ, составить болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли примириться съ новымъ правописаніемъ, или въ будущемъ возвратиться къ старому, а сейчасъ это старое правописаніе всячески охранять.

Наше письмо, какъ извѣстно, въ основѣ своей звуковое. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что звуковсй составъ нашей рѣчи совершенно совпадаетъ съ письменнымъ. Это значитъ только, что мы для письменной передачи нашей рѣчи пользуемся извѣстными

*) Ст. Ю. А. Никольскаго въ «Общемъ Дѣлѣ», № 422.

**) Г. Ю. Никольскій. въ той же статьѣ. Отмѣчу, на всякій случай, что А. И. Соболевскій не только былъ на засѣданіи комиссіи, но даже былъ избранъ въ подкомиссію и присутствовалъ на нѣсколькихъ ея засѣданіяхъ

знаками (буквами), условно обозначающими звуковую сторону рѣчи. Поэтому одна и та же буква можетъ изображать два, три, а иногда и большее число звуковъ: въ словѣ «молоко» каждое изъ трехъ «о» имѣетъ особый оттѣнокъ; буква «а» въ словахъ «часть», «часовщикъ», «часы» обозначаетъ различные звуки. Часто одна и та же буква въ одномъ и томъ же словѣ произносится различно, въ зависимости отъ того, какой звукъ за нимъ слѣдуетъ: *изъ* дома (въ предлогѣ *изъ* слышится «з»), *изъ* сада (въ предлогѣ *изъ* слышится «с»).

Этотъ, на первый взглядъ, недостатокъ нашего письма на самомъ дѣлѣ представляетъ большія выгоды, такъ какъ, если бы мы захотѣли обозначить всѣ оттѣнки нашей рѣчи, то письмо получилось бы исключительно сложное и мало устойчивое.

Конечно, въ моментъ изобрѣтенія буквъ старались писать такъ, какъ произносили. Правописанія въ нашемъ смыслѣ слова еще не было: господствовалъ принципъ *фонетическій*, было естественное стремленіе передать на письмѣ рѣчь возможно ближе къ произношенію.

Но языкъ живетъ, и жизнь его, какъ и всякая жизнь, продолжается въ разнообразныхъ измѣненіяхъ:

1) Измѣняется *звуковой составъ* словъ. Напримѣръ, слово *стаканъ* звучало *стоканъ*, *ястребъ* — *ястрябъ*; буквы «ъ» и «ь» не были твердымъ и мягкимъ знаками, а имѣли свое особое звуковое значеніе; частица *съ* («извольте - съ») образовалась изъ «су» отъ слова *сударь* (раньше *государь*), и т. п.;

2) измѣняется *значеніе словъ*. Напримѣръ, слово *верста* изъ первоначальнаго значенія «борозда» получило слѣдующія значенія: мѣра длины; верзило; верстовой столбъ («только версты полосаты попадаютъ однѣ»); рядъ предметовъ по прямой линіи («класть кирпичи въ одну версту»); пара, ровня («божественная и свѣтозарная версто, Борисе и Глѣбе . . .»); возрастъ («отъ молодой версты», «юнь верстою» — отсюда слово *сверстникъ*);

3) Измѣняются *флекси*. Напримѣръ, слово *господа* склонялось когда - то, какъ *вода* («кланяемся вамъ, господѣ своей», «цѣлуемъ крестъ ко своей господѣ», «бѣжитъ отъ господы»); слова *медвѣдь*, *голубь* склонялись, какъ *луть*, и т. д.;

4) измѣняются *синтаксическіе обороты*. Напримѣръ, въ лѣтописи читаемъ: «выгнаша осень (= осенью) князя»; «Куряне придоша коньми» (= на коняхъ); «Всеволодъ ожени сына своего Святослава Васильковною» (= женилъ на Васильковнѣ).

Въ теченіе долгихъ вѣковъ своей жизни русскій языкъ претерпѣлъ много и другихъ измѣненій, но намъ важно только отмѣтить здѣсь, что языкъ не остается неподвижнымъ, а имѣетъ очень сложную и интересную исторію. *Измѣненія въ произношеніи словъ, однако, не всегда измѣняли ихъ написаніе*, потому что время, литература и школа успѣвали вырабатывать извѣстную привычку, традицію писать соотвѣтственно прежнему произношенію

словъ. Въ правописаніе, такимъ образомъ, мало - по - малу вторгался *историческій* принципъ: писали такъ, какъ писали раньше. Поэтому мы сохранили «ъ» въ концѣ словъ, по старинѣ употребляемъ «ѣ» и т. п.

Наконецъ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы пишемъ, руководствуясь не произношеніемъ словъ и не историческимъ преданіемъ, а сопоставленіемъ даннаго слова съ другими, ему родственными. Такой принципъ правописанія называется *этимологическимъ*.

Есть языки, въ орѳографіи которыхъ одинъ изъ этихъ принциповъ выраженъ болѣе ярко, чѣмъ другіе: такъ, французская орѳографія построена преимущественно на историческомъ принципѣ, въ нѣмецкой сильнѣе выражена фонетическая основа. Что касается нашей орѳографіи, то въ ней слиты всѣ принципы и притомъ не всегда послѣдовательно. Такъ, въ силу *историческаго* преданія мы, какъ только что отмѣчено, сохраняемъ «ѣ» и «ъ». По *фонетическимъ* соображеніямъ пишемъ *вос, ис, нис, рас (рос)* перед буквами *к, п, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* и въ то же время по *этимологическимъ* соображеніямъ пишемъ *воз, из, низ, раз (роз)* передъ буквой *с*, а въ приставкахъ *без* и *чрез* никогда не мѣняемъ *з* на *с*. По *этимологическому* принципу мы пишемъ *лѣзть* черезъ *з*, а по *фонетическому* — *лѣстница* черезъ *с*.

Какъ уже сказано, литература и школа охраняютъ историческій принципъ, но охрана эта не всегда бдительна. Даже съ буквой *ѣ* не все въ этомъ отношеніи благополучно, хотя ее издавна охраняли особенно ревниво, и древніе русскіе книжники говорили: «вельми зазорно и укорно *ятъ* съ *естемъ* мѣшати, понеже отъ сего великое несмыслество ученію бываетъ». Напримѣръ, мы пишемъ *е* въ словахъ *ведро, семья, темя* *) и нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ нужно бы писать *ѣ*; съ другой стороны, мы пишемъ: *сѣкира, змѣй, Алексѣй* и др., вмѣсто правильнаго въ этихъ словахъ съ исторической точки зрѣнія *е*.

Помимо этого, литература и школа выработали рядъ искусственныхъ орѳографемъ. Таковы, напримѣръ, правила объ *е* и *я* въ имен. - винит. падежахъ множественнаго числа именъ прилагательныхъ, различіе *они* и *одни* въ мужескомъ и среднемъ родахъ и *онѣ* и *однѣ* въ женскомъ. «Е и Я», — говорилъ въ «Россійской Грамматикѣ» Ломоносовъ, — «нерѣдко за едино употребляются, особливо во множественномъ числѣ прилагательныхъ пишутъ, *святые* и *святые*. Сіе различіе буквъ Е и Я въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно; обоихъ буквъ Е и Я во всѣхъ родахъ, употребленіе позволяется; хотя мнѣ и кажется, что Е приличнѣе въ мужскихъ, а Я въ женскихъ и среднихъ». Или: «Различіе рода во множественномъ числѣ не весьма чувствительно, такъ что безъ

*) Учебники русской грамматики начала 19-го столѣтія требовали еще написанія этихъ словъ черезъ *ѣ*.

разбору одинъ вмѣсто другого употребляются: однако, лучше въ среднемъ и женскомъ *онѣ*, а въ мужескомъ *они*» *).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ орфографическія правила идутъ даже въразрѣзъ съ особенностями древне - русскаго языка: такъ, формы «*ея*» русскій языкъ не зналъ, а исконная форма была «*еѣ*» **).

Хотя русское правописаніе неизмѣримо легче французскаго и англійскаго, однако, на усвоеніе тонкостей его тратилось очень много времени, особенно въ низшей школѣ. Это было, конечно, нунужно ни съ общеобразовательной, ни съ узко - педагогической точки зрѣнія, но правописанію, въ силу цѣлаго ряда причинъ, стали у насъ придавать, начиная со второй половины 19-го вѣка, какое - то исключительное значеніе въ школѣ; правильные же методы обученія правописанію были извѣстны только меньшинству учителей. Вотъ почему за послѣднія 35 лѣтъ и въ педагогическихъ обществахъ, и на страницахъ специальной и общей повременной печати не разъ говорилось о необходимости упрощенія официальнаго Гротовскаго правописанія, въ цѣляхъ облегченія его усвоенія, а въ 1903 году Педагогическое Общество при Казанскомъ Университетѣ обратилось въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, съ просьбой отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) признаетъ ли Академія Наукъ правописаніе, рекомендованное академикомъ Я. К. Гротомъ, *своимъ*?

2) признаетъ ли Академія это правописаніе *научнымъ*?

3) не усматриваетъ ли сама Академія въ этомъ правописаніи внутреннихъ противорѣчій и притомъ такого рода, что они наводятъ на мысль о необходимости его систематизаціи въ томъ или другомъ смыслѣ?

Менѣе чѣмъ черезъ годъ Отдѣленіе получило и другой запросъ — отъ Главнаго Управленія военно - учебныхъ заведеній, которое, ссылаясь на постановленія бывшаго въ декабрѣ 1903 года съѣзда преподавателей русскаго языка и словесности, просило Академію:

1) увѣдомить, признаетъ ли она руководство академика Грота своимъ официальнымъ изданіемъ, безусловно обязательнымъ для школъ;

2) поставить на обсужденіе вопросъ объ упрощеніи русскаго правописанія въ тѣхъ предѣлахъ, какіе сама Академія признаетъ цѣлесообразными.

*) Впослѣдствіи *онѣ* стали писать только въ женскомъ родѣ.

***) У Тургенева въ рассказѣ «Стучить» мужикъ Филовей на вопросъ, знаетъ ли онѣ дорогу, даетъ отвѣтъ: «Да какъ *еѣ* не знать - то!» Это и есть настоящая русская форма, а *ея* — книжное заимствованіе изъ древнеболгарскаго. Ломоносовъ очень хорошо зналъ, что русскій языкъ не имѣетъ формы *ея*, но ввелъ эту форму, слѣдуя своему ученію о штиляхъ: «*Еѣ* въ просторѣчій, *ея* въ штиль употребляеть пристойнѣе», — писалъ онѣ въ «Россійской Грамматикѣ».

Академія обстоятельно отвѣтила на эти вопросы, причемъ заявила, что Отдѣленіе русскаго языка и словесности, «признавая достоинства за трудомъ Я. К. Грота «Русское Правописаніе», не можетъ, однако, считать безспорными; не подлежащими критикѣ, представленныя здѣсь рѣшенія различныхъ вопросовъ русскаго правописанія . . . На руководство академика Грота ошибочно было бы смотрѣть какъ на изложеніе требованій по правописанію, исходящихъ отъ Отдѣленія». Одновременно Отдѣленіе сообщало, что оно «не могло бы представить принципиальныя возраженія противъ мысли о желательности замѣнить правописаніе академика Грота другимъ, болѣе простымъ и болѣе систематичнымъ.

Отвѣтила Академія и на вопросъ о научности правописанія, и этотъ отвѣтъ не мѣшаетъ помнить тѣмъ, кто, несмотря на малую осведомленность въ исторіи русскаго языка и его правописанія, особенно настойчиво заявляетъ о научности новаго правописанія: «Въ примѣненіи къ литературному языку, имѣющему за собою болѣе или менѣе длинное прошлое, *правописаніе должно представлять условный компромиссъ двухъ принциповъ — фонетическаго и историческаго.* Требования правописанія, основывающіяся на каждомъ изъ двухъ этихъ принциповъ въ отдѣльности, *подлежатъ вѣдѣнію науки, которая опредѣляетъ, соотвѣтствуютъ ли эти требованія дѣйствительности, какъ по отношенію къ написаніямъ, передающимъ звуковыя различія, наблюдаемая въ современномъ языкѣ, такъ и по отношенію къ случаямъ, въ которыхъ имѣется въ виду исторія звуковой стороны данныхъ словъ;* но самое соглашеніе этихъ разнородныхъ принциповъ, основывающееся на тѣхъ или другихъ практическихъ удобствахъ, находится внѣ контроля какой-либо иной науки, кромѣ логики, хотя логичность, послѣдовательность въ построеніи правилъ правописанія, конечно, не дѣлаетъ научнымъ самое правописаніе.»

Какъ видимъ, соображенія Академіи Наукъ — единственно правильныя — ограничивали, казалось бы, кругъ упрощеній и ни въ коемъ случаѣ не могли бы привести къ той системѣ, которая теперь называется новымъ правописаніемъ. Съ точки зрѣнія Академіи, ничего нельзя было возразить противъ устраненія изъ Гротовскаго правописанія всего излишняго, искусственно сложнаго, случайнаго, противорѣчиваго. вмѣстѣ съ тѣмъ, Академія Наукъ, какъ ученое учрежденіе, обязанное хранить культурныя цѣнности литературы и языка, не допускала мысли, чтобы разрушена была вся существующая система «компромисса фонетическаго и историческаго принциповъ» и чтобы создалась какая-то новая, въ которой была бы стерта не только исторія звуковой стороны отдѣльныхъ словъ, но и многовѣковая исторія *флексивной* стороны языка. Однако, случилось нѣчто иное и для большинства академикомъ неожиданное.

Чтобы ясно представить обстановку, въ которой происходили первыя обсужденія вопроса объ упрощеніи правописанія, нужно

вспомнить, что это было въ 1904 году. Оппозиціонныя и революціонныя настроенія нарастали, воздухъ былъ пропитанъ протестами всякаго рода и по всякому поводу. Въ старой орѳографіи многіе стали видѣть одинъ изъ способовъ, которымъ правитель-ство держало народъ въ темнотѣ. Эта мысль находила особенно много приверженцевъ среди сельскихъ учителей, которые дѣй-ствительно страдали отъ слишкомъ строгихъ для начальной шко-лы требованій по орѳографіи. И психологически совершенно есте-ственно, что мысль о пересмотрѣ Гротовскаго правописанія пре-вратилась мало - по - малу въ мысль о рѣшительномъ разрушеніи всей системы русскаго правописанія, во имя, якобы, блага и про-свѣщенія народа. Этимъ настроеніямъ, подкладка которыхъ бы-ла, въ сущности, только революціонно - политическая, поддались и нѣкоторые ученые.

Такова была общая обстановка, когда былъ поставленъ вопросъ объ упрощеніи правописанія. Всѣ ждали инициативы со стороны Академіи Наукъ. Наконецъ, по постановленію Отдѣленія русскаго языка и словесности образовалась коммиссія изъ 50 лицъ. Въ нее вошли, кромѣ представителей науки о языкѣ и другихъ соприка-сающихся отраслей гуманитарныхъ наукъ, еще представители школы, литературы и повременной печати.

Въ исторіи образованія этой коммиссіи наиболѣе видную роль играли два покойныхъ академика, А. А. Шахматовъ и Ф. Ф. Фор-тунаговъ. Фортунатовъ принадлежалъ къ крайнему теченію въ вопросѣ объ упрощеніи правописанія и слышать не хотѣлъ о скромныхъ размѣрахъ упрощенія, намѣчавшихся въ отвѣтѣ Ака-деміи Наукъ по поводу Гротовскаго правописанія. По мнѣнію Фортунатова, ни въ какихъ проектахъ частичнаго упрощенія не слѣдовало принимать участія, если не будетъ поставленъ вопросъ объ уничтоженіи нѣкоторыхъ буквъ алфавита, главнымъ обра-зомъ, ѣ.

Шахматовъ придерживался болѣе умѣренныхъ взглядовъ и на-ходилъ, что надо упорядочить наше правописаніе въ области тѣхъ орѳографемъ, установленныхъ Гротомъ, которыя не оправдыва-лись ни фонетикой, ни исторіей языка и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, создавали значительныя и ненужныя трудности при обученіи пра-вописанію.

Многіе изъ участниковъ коммиссіи думали, что въ итогѣ ихъ ра-боты получится, благодаря неизбежности контроля и окончатель-ной санкціи со стороны Академіи Наукъ, практически - цѣлесо-образное и научно - оправдываемое упрощеніе, не противорѣчащее исторіи нашего литературнаго языка. Поэтому, уступка Фортуна-тову представлялась извѣстнымъ тактическимъ приѣмомъ.

Первое засѣданіе коммиссіи, опредѣленнымъ образомъ подобран-ной, состоялось 12 апрѣля 1904 года въ залѣ Академіи Наукъ подъ предсѣдательствомъ покойнаго Великаго Князя Константина Кон-стантиновича. На этомъ засѣданіи, послѣ рѣчей академикомъ, де-

легатовъ педагогическихъ обществъ и другихъ, было *единогласно* признано желательнымъ *упростить* русское правописание. Но по вопросу объ упрощеніи правописанія въ связи съ измѣненіемъ алфавита мнѣнія раздѣлились: меньшинство находило, что надо упростить *безъ исключенія какихъ - либо буквъ изъ алфавита*, большинство высказалось за исключеніе *ѳ, ѳъ*, одного изъ начертаній *и* (т. е., *и* или *і*) и *ѣ*.

Голосованіе было по каждой изъ указанныхъ буквъ отдѣльное и притомъ закрытое, что въ свое время дало обильную пищу для насмѣшливыхъ остротъ. Результаты этого голосованія не лишены психологическаго интереса: *ѳ* привлекла только 3 голоса изъ 50, оба *и* — 11, *ѳъ* — 14, *ѣ* — 15. Эти цифры свидѣтельствовали о нѣкоторой неустойчивости голосовавшихъ, но, какъ бы то ни было, принципиальное рѣшеніе было вынесено. Послѣ этого засѣданія и враги, и защитники старой орфографіи обнаружили много страстности, что дало поводъ академику Коршу, во время одной изъ схватокъ по какому - то орфографическому вопросу, сочинить слѣдующій экспромтъ:

Старинѣ я буду вѣренъ:
 Съ дѣтства чтить ее привѣкъ,
 Обезѳиченъ, обезѳеренъ,
 Обезѳяченъ нашъ языкъ!

Для разработки проекта упрощенія, основаннаго на исключеніи изъ алфавита четырехъ поименованныхъ буквъ, была избрана небольшая подкомиссія, въ которую вошли академики Коршъ, Соболевскій, Фортунатовъ и Шахматовъ и профессора и приватъ - доценты Бодуэнъ - де - Куртенэ, Р. Брандтъ, Буличъ, Н. Каринскій, Сакулинъ и авторъ настоящей статьи. Уже на первыхъ засѣданіяхъ подкомиссіи было высказано мнѣніе, что надо пересмотрѣть правила правописанія, не считаясь съ постановленіемъ комиссіи объ исключеніи нѣкоторыхъ буквъ *). Но это мнѣніе, естественно, встрѣтило отпоръ по формальнымъ соображеніямъ: подкомиссіи дано было опредѣленное заданіе, и, каковы бы ни были взгляды отдѣльныхъ ея членовъ, она обязана была представить въ комиссію предварительный проектъ, который послѣ утвержденія въ комиссіи, долженъ былъ поступить на окончательное разсмотрѣніе въ Академію Наукъ. Отъ Академіи зависѣло, принять его, или отвергнуть — цѣликомъ или частично.

Въ маѣ 1904 года подкомиссія опубликовала «Предварительное сообщеніе», вызвавшее очень много замѣчаній, возраженій и пожеланій буквально со всѣхъ концовъ Россіи. Полученный матеріалъ былъ тщательно разсмотрѣнъ орфографической подкомис-

*) Это мнѣніе было высказано академикомъ Соболевскимъ, не желавшимъ исключенія «ята», академикомъ Коршемъ, находившимъ полезнымъ ввести въ нашъ алфавитъ йотъ, и проф. Брандтомъ, стремившимся создать систему фонетическаго письма.

лей, затѣмъ былъ составленъ докладъ для представленія въ комиссію, а самыя постановленія подкомиссіи были въ 1912 году напечатаны. Сущность ихъ сводится къ слѣдующему:

- 1) Буква *ѣ* замѣняется буквою *е*;
- 2) Буква *ѳ* замѣняется буквою *ф*;
- 3) Буква *і* замѣняется буквой *и*;
- 4) Буква *ъ* въ концѣ словъ и въ серединѣ сложныхъ словъ уничтожается, но сохраняется, какъ знакъ раздѣлительный, напр., въ словѣ *сьемка* и подобныхъ;
- 5) Желательно, но не обязательно, различіе на письмѣ *е* и *ѣ*;
- 6) Въ прилагательныхъ, мѣстоименіяхъ и причастіяхъ, гдѣ въ старомъ правописаніи окончаніемъ женскаго и средняго рода множественнаго числа было *я*, родъ не различается и всюду пишется *е*;
- 7) Родительный падежъ единственнаго числа мужскаго и средняго рода прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ и причастій оканчивается на *ого* и *его*;
- 8) Именительный падежъ множественнаго числа мѣстоименія *онъ, она, оно*, для всѣхъ родовъ — *они*, числительнаго *одинъ, одна, одно* — *одни (однихъ, однимъ и т. д.)*;
- 9) Родительный падежъ мѣстоименія *она* — *ее*;
- 10) Приставки *воз, из, низ, раз (роз), без* и *чрез* передъ согласными *к, п, т, ф, х, ц, ч, ш, щ* и *с* пишутся черезъ *с*.

Кромѣ того проектъ упрощенія коснулся правилъ переноса и правописанія нѣкоторыхъ нарѣчій *).

Когда «Предварительное сообщеніе», а затѣмъ «Постановленія орфографической подкомиссіи» были опубликованы, по вопросу о реформѣ правописанія очень быстро создалась обширная литература. Она свидѣтельствовала не только о возникшей распрѣ, но и о томъ, что *громадное большинство русскаго культурнаго общества подобной реформѣ не сочувствовало*. Этимъ объясняется, что проектъ былъ сданъ въ архивъ, и комиссія не созывалась вплоть до весны (11 мая) 1917 года, когда, по инициативѣ тов. министра народнаго просвѣщенія Герасимова, Шахматовъ ее созвалъ. Но въ этой комиссіи было немало новыхъ лицъ; изъ членовъ комиссіи 1904 года многихъ уже не было въ живыхъ, а нѣкоторые не пришли на засѣданіе.

Никакогого обсуждения «Постановленій» не было: тов. министра народнаго просвѣщенія, повидимому, даже не допускалъ мысли о необходимости что-либо обсуждать, настойчиво требуя только голосованія *en bloc*. Общее настроеніе въ это время было таково, что торопливыя и легкомысленныя рѣшенія брали верхъ надъ стремленіемъ къ серьезному обсужденію. На этомъ засѣданіи я выступилъ противникомъ предложенія Герасимова и въ своей рѣчи указалъ на всю недопустимость подобнаго отношенія къ одному

*) Подкомиссія рѣшительно высказалась противъ употребленія паерка (апострофа) вмѣсто раздѣлительнаго «ъ», но Мануйловъ его ввелъ.

изъ важныхъ вопросовъ нашей духовной культуры, но меня поддержали голько немногие, и циркулярами министра народнаго просвѣщенія проф. Мануйлова отъ 17 мая и 22 іюля 1917 года новое правописаніе было предложено къ введенію въ школы.

Академія Наукъ, къ счастью, своей руки къ этому акту не приложила, и мы такъ и не узнали, какъ не знаемъ и до сихъ поръ, ея мнѣнія. Реформа была принята въ атмосферѣ революціоннаго кипѣнія и при помощи революціонныхъ методовъ. Хотя я была всегда убѣждена въ необходимости упростить и упорядочить Гротовское правописаніе, однако, такая расправа съ общей системой русской орфографіи заставила меня выступить въ печати противъ Мануйловскаго циркуляра со статьёй, которую я озаглавила «Приказъ № 1 въ области русскаго правописанія». Было несомнѣнно внутреннее родство между циркуляромъ Мануйлова и тѣмъ приказомъ № 1, которымъ было положено начало разложенію нашей арміи.

Впрочемъ, наша духовная культура оказалась сильнѣе воинской дисциплины: *несмотря на общую «революціонность», и очень многія школы, и рѣшительно вся печать, частью инстинктивно, а частью сознательно, дали отпоръ попыткѣ ввести новое правописаніе революціоннымъ способомъ.* Въ массѣ учебныхъ заведеній, по постановленію педагогическихъ совѣтовъ и родительскихъ комитетовъ, съ осени 1917 года продолжало примѣняться *исключительно* старое правописаніе, что же касается печати, то она, съ повседневною прессой во главѣ, упорно придерживалась стараго правописанія. Понадобились большевики съ ихъ «методами прививки новыхъ навыковъ», понадобились угрозы и насиліе, чтобы изгнать употребленіе стараго правописанія. Такимъ образомъ, *новая орфографія, совершенно не будучи академической, стала большевицкой.*

Въ настоящее время насъ стараются увѣрить, что новому правописанію надо подчиниться потому, что оно «стало фактомъ». Аргументъ ходячій, но сомнительный: вѣдь, фактомъ стала и совѣтская власть со всѣми ея приѣмами, фактомъ стало и многое другое.

Защитники новаго правописанія любятъ ссылаться на Шахматова, какъ на авторитетнаго проповѣдника реформы правописанія. Дѣйствительно, 11 мая 1917 года онъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіи комиссіи, на которомъ, по настойчивому требованію революціоннаго министерства народнаго просвѣщенія, проектъ былъ принятъ. Но, какъ уже было замѣчено выше, Шахматовъ никогда не являлся слѣпымъ защитникомъ реформы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые боятся осудить себя за сдѣланную ошибку. Въ печати появились указанія близкихъ Шахматову лицъ на то, что реформа правописанія была «предметомъ раскаянія» его «въ послѣдніе годы». Не знаю, въ чемъ выражалось это раскаяніе, но что мысль о злобредности реформы преслѣдовала его, для меня несомнѣнно. Мнѣ

пришлось видѣться съ Шахматовымъ въ послѣдній разъ въ июнѣ 1918 года. Результаты большевицкой работы уже сказывались: въ Пѣтроградѣ появилось не только недоѣданіе, но и голоданіе, атмосфера рабства стужалась все болѣе и болѣе, печать была задушена, тюрьмы переполнены. Впечатлительный Шахматовъ чувствовалъ себя морально придавленнымъ, и на всей его фигурѣ лежала печать какого-то безысходнаго ужаса. При встрѣчѣ онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, который я слышала отъ него уже не разъ и съ которымъ онъ въ это время обращался ко всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ: «Какъ вы смотрите на то, что происходитъ? Чѣмъ все это кончится?» Мы обмѣнялись мыслями, и вдругъ Шахматовъ торопливо, словно боясь, чтобы я его не прервала, началъ говорить: «А знаете, въ томъ, что происходитъ, отчасти и мы виноваты. Засѣданіе, въ которомъ мы приняли новую орфографію, было по настроенію большевицкимъ. Вы были правы, назвавши циркуляръ Мануйлова приказомъ № 1. Мы тоже разрушили». Очевидно, Шахматова, какъ и многихъ другихъ, мучилъ вопросъ, нѣтъ ли и его доли участія въ разложеніи культурныхъ основъ русской жизни. По существу, Шахматовъ, конечно, былъ правъ въ своихъ самообличеніяхъ: *реформа правописанія прошла по тому пути, на которомъ было много психологически родственнаго большевизму.*

Такимъ образомъ, ссылка на Шахматова при добросовѣстной защитѣ новаго правописанія можетъ быть сдѣлана только съ оговорками. Да если бы даже Шахматовъ и не усумнился въ целесообразности реформы, то его авторитету можно было бы противопоставить не менѣе сильный авторитетъ академика Соболевскаго, опредѣленнаго противника искаженія нашего правописанія, и многихъ другихъ, болѣе или менѣе крупныхъ, ученыхъ.

Что касается возраженій противъ реформы въ ея крайнемъ видѣ, то въ свое время ихъ сдѣлано было много. Главныя изъ нихъ можно свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) *никто не имѣетъ права насильственно производить измѣненія въ системѣ установившейся орфографіи*, такъ какъ орфографія всякаго живого языка, имѣющаго за собой продолжительную исторію, «насквозь пропитана исторіей народа, отражаетъ все его прошлое и въ замѣтной степени опредѣляетъ его будущее». Доступны только такія измѣненія, которыя происходятъ исподволь, незамѣтно;

2) *въ реформѣ нѣтъ никакой настоящей надобности*. Если усвоеніе нашего правописанія сопряжено со сравнительно большою ученической работой, то это объясняется не столько трудностью правописанія, сколько плохими методами обученія;

3) *реформа совершенно неразумна безъ перепечатанія всѣхъ учебниковъ и всѣхъ классическихъ авторовъ.*

Не всѣ возраженія были одинаковой силы и убѣдительности, но несомнѣнно было одно: крутая и насильственная ломка право-

писанія въ странѣ съ богатымъ литературнымъ наслѣдіемъ — недопустима. Система нашего новаго литературнаго языка и его правописанія началась съ гениальной «Россійской Грамматики» Ломоносова, появившейся въ одинъ годъ съ открытіемъ нашего перваго университета, и съ тѣхъ поръ эта система развивалась и упорядочивалась безъ насильственныхъ потрясеній. Культурныя силы Россіи, за ничтожными исключеніями, дорожили полученнымъ богатствомъ, и безъ помощи большевиковъ новая орфографія не смогла бы, конечно, войти въ жизнь.

Многихъ интересуесть вопросъ, что представляютъ собою постановленія орфографической подкомиссіи съ научной точки зрѣнія. Съ научной точки зрѣнія одинаково допустимо писать и «е» и «ея», и «они» и «онѣ», и «добраго» и «добророго», и «хорошіе» и «хорошія». Съ «ятемъ», правда, дѣло обстоитъ болѣе сложно. Хотя онъ въ литературномъ произношеніи звучитъ одинаково съ «е», однако, во многихъ русскихъ (мало-, велико-, и бѣло - русскихъ) говорахъ замѣны «ѣ» черезъ «е» не произошло; то же надо сказать и о Галиціи, и объ Угорской Руси. Въ виду этого, научная точка зрѣнія требуетъ къ «ятю» особо внимательнаго и бережнаго отношенія. Въ общемъ, противъ такъ называемой «научности» орфографическая подкомиссія, несомнѣнно, не погрѣшила. Но въ этомъ отношеніи нужно помнѣть приведенныя уже мудрѣйшія слова нашей Академіи Наукъ: «Въ примѣненіи къ литературному языку, имѣющему за собою болѣе или менѣе длинное прошлое, правописаніе должно представлять условный компромиссъ двухъ принциповъ — фонетическаго и историческаго. Требования правописанія, основывающіяся на каждомъ изъ двухъ этихъ принциповъ въ отдѣльности, подлежатъ вѣдѣнію науки, которая опредѣляетъ, соответствуютъ ли эти требования дѣйствительности . . . , но самое соглашеніе этихъ разнородныхъ принциповъ, основывающееся на тѣхъ или другихъ практическихъ удобствахъ, находится внѣ контроля какой-либо иной науки, кромѣ логики, хотя логичность, послѣдовательность въ построеніи правилъ правописанія, конечно, не дѣлаесть научнымъ самое правописаніе». Никто не станеть отрицать, что нашъ литературный языкъ имѣесть за собою скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе «длинное прошлое», и потому установившіеся въ его правописаніи компромиссы двухъ принциповъ, историческаго и фонетическаго, безнаказанно ломаться не могутъ. Правописаніе — часть нашей культуры, неотъемлемая часть нашей литературной исторіи. Нѣкоторыя измѣненія въ кругу этихъ компромиссовъ были и будутъ, но разрушеніе всей системы компромиссовъ, послѣ вѣковой блестящей исторіи нашей литературы, оправдано быть не можетъ: это знаменовало бы собою участіе въ «нагроможденіи развалинъ», а не творческую работу по усовершенствованію полученнаго отъ предковъ культурнаго наслѣдства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что *свободная Академія Наукъ* такъ и оцѣнила бы большевицко-Мануйловскую реформу, но мнѣнія свободной Академіи не спросили: или имъ не интересовались, или его боялись. Вся обстановка, въ которой была проведена реформа, насильственный характеръ ея внѣдренія, вопреки ясно въ свое время выраженному несочувственному отношенію къ ней всей нашей печати и большей части школы, несовершенство многихъ новыхъ орфографемъ. — *все это должно заставлять насъ оберегать старую орфографію и донести ее до новой Россіи.* Въ новой Россіи она будетъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ упорядочена, въ школахъ ей не будутъ отдавать исключительнаго вниманія, но прекрасная система ея, вырабатывавшаяся въ теченіе полутора вѣковъ, должна быть въ основѣ своей сохранена.

Ссылка на то, что старую орфографію нельзя вернуть, такъ какъ Россія пишетъ уже 5 лѣтъ по новой, мало убѣдительна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наивна: по старой орфографіи писали, подвергая ее ничтожнымъ измѣненіямъ, *болѣе 150 лѣтъ.*

Возвращеніе къ старой орфографіи будетъ тѣмъ легче, что большевики совершенно уничтожили народное образованіе, и отъ успѣховъ, которые были достигнуты въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія до - революціонной Россіей, ничего не осталось. Если еще кое-что сохранилось въ высшей и средней школѣ, то народная представляетъ собою одни обломки. Пособій же и книгъ, напечатанныхъ по новой орфографіи для школы, почти не существуетъ.

Для кого «новая» Россія начинается съ большевиковъ, тотъ, само собой, долженъ защищать и новое правописаніе, одинъ изъ ихъ атрибутовъ, но, кто не съ большевиками, тотъ долженъ старую орфографію оберегать. Она одна изъ нашихъ большихъ культурныхъ цѣнностей, вѣрный спутникъ блестящаго періода нашей литературы.

У насъ любятъ искать примѣровъ въ другихъ странахъ, но, разъ уже ихъ искать, то лучше всего обратиться къ тѣмъ языкамъ, орфографія которыхъ неизмѣримо болѣе сложна и трудна, чѣмъ наша. Такими языками являются французскій и англійскій. Однако, всѣмъ извѣстно, какъ ревниво французы и англичане оберегаютъ «аристократическія» системы своихъ орфографій отъ попытокъ ихъ коренного измѣненія. Во Франціи и Англии ясно понимаютъ, что усвоеніе нѣкоторыхъ культурныхъ цѣнностей вообще трудно, что эти цѣнности по самой своей природѣ въ полномъ объемѣ доступны не всѣмъ. Но здѣсь одновременно такъ же ясно понимаютъ, что *упрощеніе* и *облегченіе* во что бы то ни стало могутъ привести не къ распространенію культуры, а къ оскотченію ея.

Правда, есть страна, которая рискнула провести реформу правописанія въ рѣзкомъ видѣ; это — Норвегія. Однако, не слѣдуетъ забывать, что все населеніе Норвегіи равняется населенію до-революціоннаго Петрограда, и, кромѣ того, даже въ этой маленькой

странѣ реформа вызвала большую смуту: тамъ сейчасъ существуетъ три орѳографическихъ системы. Чѣмъ кончится эта смута, предугадать, конечно, трудно, но ущербъ культурѣ уже наносится.

Новое русское правописаніе русскими дѣтьми нѣкоторой части Россіи можетъ быть усвоено легче, чѣмъ старое. Но пусть не увлекаются мыслью объ этомъ. Облегченіе ученія само по себѣ еще не идеаль, и *опрощеніе* ученія только понижаетъ общій уровень тѣхъ, которые способны къ высшей духовной культурѣ. Съ орѳографической же неграмотностью нѣкоторой части населенія нужно мириться такъ же, какъ съ недоступностью для массъ цѣлаго ряда дисциплинъ, научныхъ идей и фактовъ. Прошедшій французскую или англійскую начальную школу лишаетъ, *mutatis mutandis*, гораздо безграмотнѣе, чѣмъ кончавшіе нашу прежнюю, далекую отъ совершенства, начальную школу, но упрощеніе правописанія только во имя облегченія его усвоенія показалось бы французамъ и англичанамъ варварствомъ.

При сравнительной оцѣнкѣ нашего новаго и стараго правописанія надо, кромѣ того, отмѣтить, что, какъ показаль опытъ, иностранцы усваиваютъ нашъ языкъ по старой орѳографіи съ большей легкостью. Психологически это понятно: при новой орѳографіи образы словъ стираются, слова теряютъ свою индивидуальность, формы сливаются, однообразіе утомляетъ и не даетъ почвы для отчетливаго различенія явленій языка.

Въ заключеніе нельзя не сказать, что намъ подобно французамъ и англичанамъ съ ихъ высокой культурой, лучше не разсыпаться связи «съ предковскими преданіями», не стремиться къ тому, чтобы «все казалось обновленнѣе», и не видѣть особаго почета въ положеніи тѣхъ, кого «только вчера насѣдка подъ крапивой вывела».

Проф. Н. Кульманъ.

